

Владимир Козаренко

Эфирный занавес

Владимир Козаренко

Эфирный занавес

«Автор»

2026

Козаренко В.

Эфирный занавес / В. Козаренко — «Автор», 2026

Что, если главная физическая теория XX века была величайшей спецоперацией по спасению Земли? 1896 год. Трое нищих студентов в Цюрихе открывают истинную механику Вселенной и строят прибор, способный утилизировать материю. 1903 год. На тайном заводе в Шпандау запуск стального резонатора едва не превращает планету в черную дыру. 1905 год. В патентное бюро Берна приходит Просветленный — человек, чья задача навсегда стереть из науки упоминания об эфире. Он предлагает молодому клерку сделку, которая изменит историю. Вместо бесконечной энергии — эластичное время. Вместо опасной истины — гениальный релятивистский обман Альберта Эйнштейна. Герметичный криптоисторический триллер для тех, кто готов узнать, зачем на самом деле был придуман главный миф мировой науки.

© Козаренко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. БЕРНСКИЙ КАРАНТИН	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Козаренко

Эфирный занавес

ПРОЛОГ. БЕРНСКИЙ КАРАНТИН

Май в Берне никогда не отличался милосердием к беднякам. В этом году он выдался затяжным, хмурым и насквозь пропитанным ледяной озерной сыростью, которая волнами скачивалась с предгорий Альп и намертво застревала в узких, похожих на каменные мешки улицах Старого города. Над черепичными крышами Крамгассе, покрытыми зеленоватым налетом многовекового мха, висел тяжелый, неподвижный шлейф дыма. Сотни кухонных очагов и печей мелких ремесленных лавок круглосуточно выбрасывали в небо грязно-серые клубы от дешевого, плохо просушенного торфа и силезского антрацита.

Этот дым не поднимался в высь. Он оседал вниз, смешиваясь с туманом, и обволакивал песчаниковые аркады зданий, из-за чего Берн казался декорацией к старой, мрачной пьесе. Воздух наперебой пах мокрой конской кожей, дегтем, кислым ржаным сусликом из подвалов пивоварни на набережной Ааре и застоявшимся аммиачным духом от конных извозчиков, чьи пролетки уныло дожидались редких седоков у часовой башни Цитглогге. По мостовой, гулко цокая подковами по мокрому граниту, тянулись тяжелые телеги, груженные бочками с рейнским вином. Лошади тяжело, с присвистом дышали, выбрасывая из ноздрей густые, белые столбы пара, а их возницы, укутанные в грубые брезентовые плащи, уныло щелкали кнутами, то и дело вытирая капли дождя со скорбных усов.

Внутри массивного трехэтажного здания на Шпейхерштрассе, где располагалось Федеральное бюро интеллектуальной собственности, царил совершенно иная, гнетущая тишина. Здесь время словно застывало, запертое между бесконечными рядами дубовых стеллажей, уходящих под самый потолок. Этот огромный зал экспертного отдела пах сухим, застоявшимся конторским клеем, парафином, дешевыми стеариновыми свечами и столетней архивной пылью, которая тончайшим слоем покрывала серые картонные папки с патентными заявками. Окна зала, высокие, арочные, с переплетами из потемневшего от времени ясеня, были покрыты изнутри испариной. Сквозь мутные стекла едва пробивался тусклый весенний свет, едва способный разогнать полумрак между столами.

За третьим столом в правом ряду, прямо под огромными круглыми часами в латунном корпусе, чье маятниковое тиканье — *так-так-так* — разносилось по залу с точностью палаческого топора, сидел эксперт третьего класса Альберт Эйнштейн. На нем был поношенный, лоснящийся на локтях шерстяной жилет мышинного цвета, купленный с рук на цюрихском блошином рынке три года назад. Рукава его белой хлопковой рубашки, пожелтевшей от частых стирок в жесткой колодезной воде, были подколоты выше локтей специальными стальными пружинами — конторская хитрость, чтобы не пачкать манжеты фиолетовыми чернилами. Его густые, жесткие, абсолютно непослушные черные кудри торчали во все стороны. Альберт принципиально отказывался стричься по строгой берлинской или цюрихской моде, за что его тесть, старый сербский чиновник Марич, при первой встрече обозвал его «цыганским скрипачом».

Альберту было двадцать шесть лет. И эта комната, этот запах клея и это мерное тиканье латунных часов на стене медленно, изо дня в день, душили его.

Перед ним лежала раскрытая папка из толстого картона — патентная заявка номер 4329, поданная акционерным обществом «Борзиг» из Берлина. Сухой, канцелярский текст на немецком языке описывал устройство «Усовершенствованного гидравлического регуляторного клапана для высокотемпературных паровых турбин». К тексту прилагались три огромных листа синьки — чертежей, выполненных тончайшей белой тушью. По всем правилам бюро, Альберт

должен был построчно сличить описание с чертежами, проверить кинематические схемы и выдать заключение: есть ли в этом клапане техническая новизна или берлинские инженеры просто украли идею у англичан из компании «Парсонс».

Но взгляд Эйнштейна скользил мимо белых линий поршней, золотников и нагнетательных трубок. Его пальцы, испачканные фиолетовыми чернилами у самого корня ногтя большого пальца, судорожно сжимали грошовую деревянную ручку со стальным пером «рондо». Под официальным бланком бюро, сокрытый от глаз старшего инспектора, лежал клочок тонкой, полупрозрачной промокательной бумаги. И этот клочок был живым. Он был исписан цифрами, матрицами и стрелками векторов, которые Альберт наносил с такой силой, что перо то и дело прорывало рыхлую бумагу.

Эйнштейн считал. Он занимался тем, за что профессор Вебер в Цюрихе обещал выгнать его с волчьим билетом из любой приличной лаборатории Европы. Он пытался обуздать баллистические потоки амеров.

В его голове, обладавшей странным, почти болезненным пространственным воображением, мир не был пустой сценой Ньютона. Пространство вокруг его стола, за пределами окон, над всей этой дождливой Швейцарией было плотным. Оно было густым, невидимым, яростно бурлящим океаном, состоящим из миллиардов микроскопических частиц — амеров, летящих со всех сторон со скоростями, превышающими скорость света. Атомы его собственного тела, атомы латунных часов на стене, атомы железа в паровой турбине «Борзига» — всё это были лишь крошечные, стабильные водовороты в этом океане. Они существовали только потому, что ежесекундно всасывали в себя этот эфирный газ, подпитывая свое вращение.

«Если материя — это насос... — рука Альберта быстро вывела на промокашке логарифмическую кривую, — то сила приталкивания, которую эти олухи называют гравитацией, зависит не от мифического "закона тяготения". Это просто разница давлений. Земля всасывает эфир, создавая сквозняк сверху вниз. Штанга тяжелая не потому, что её тянет Земля. Её прижимает к полу весь объем Вселенной»

Он так глубоко ушел в этот безмолвный танец формул, что полностью оглох к внешнему миру. Он не услышал, как в дальнем конце зала со скрипом повернулся тяжелый бронзовый замок дубовой двери. Не услышал, как затихло шуршание перьев его коллег — клерков первого и второго класса, сидевших ближе к выходу.

По проходу между стеллажами шел человек, чье появление в Федеральном бюро Берна выглядело столь же неестественным, как появление бензинового экипажа Даймлера среди коровьих пастбищ Эмментала.

Это был мужчина лет пятидесяти, высокого роста, с безупречной, истинно гвардейской выправкой прусского офицера, которую не мог скрыть даже гражданский костюм. На нем была дорогая визитка из темно-серой английской камвольной шерсти, сшитая на заказ в ателье на Унтер-ден-Линден в Берлине. Лацканы из тяжелого черного шелка матово поблескивали в полумраке зала, отражая редкие вспышки газовых рожков. Из-под жилета тускло сияла массивная платиновая цепь, а белоснежный, жестко накрахмаленный воротничок-стойка подпирал гладко выбритый подбородок с аккуратной, тронутой сединой бородкой клинышком. В правой руке, обтянутой перчаткой из мягкой лайковой кожи цвета слоновой кости, он держал трость из мореного дуба. Её набалдашник был отлит из черненого серебра в виде змеи, свернувшейся кольцами вокруг тяжелого обсидианового шара.

Официальная наука Германии знала его как тайного советника, профессора, чье слово в Министерстве просвещения Пруссии решало судьбы университетских кафедр от Кенигсберга до Мюнхена. Для трех-четырех человек, державших в руках финансовые нити Рейха, он был просто Просветленным.

Шаги его тяжелых кожаных штиблет по лакированному паркету звучат сухо, размеренно и страшно. Каждый удар каблука совпадал с ударом маятника настенных часов. *Так. Так. Так.*

Просветленный остановился точно у стола под номером три. Альберт не поднимал головы, его перо продолжало яростно чертить вектор столкновения четырех потоков внутри воображаемой геометрической фигуры.

— Герр Эйнштейн? — голос прищельца был негромким, лишенным каких-либо эмоций, но в нем чувствовался тот самый ледяной, беспощадный металл, который заставлял бледнеть молодых лейтенантов на смотрах в Потсдаме.

Альберт вздрогнул, словно от удара током. Чисто механический, животный страх мелкого чиновника перед высоким начальством заставил его дернуть рукой. Перьевая ручка выскользнула из пальцев, оставив на бланке заявки «Борзига» рваную фиолетовую черту. Одновременно с этим Эйнштейн судорожно, налегая всем телом на стол, надвинул серую картонную папку на промокашку с формулами амеров.

Он поднял глаза, торопливо поправляя указательным пальцем свои дешевые круглые очки в простой железной оправе, которая постоянно сползала на кончик носа.

— Да... да, сударь. Эксперт третьего класса Эйнштейн. Вы... по поводу патентного спора компании «Сименс»? Или это касательно электромагнитных часов для железнодорожных станций? Я как раз заканчиваю...

Просветленный не ответил. Он медленно, с достоинством истинного аристократа, опустил свой тяжелый портфель из черной крокодиловой кожи на угол заваленного бумагами стола. Затем он взял свободный деревянный стул, стоявший у соседнего пустого места, повернул его и сел напротив молодого клерка. На его лице не было ни тени гнева или раздражения. Там застыло выражение глубокой, вековой, почти божественной усталости человека, который слишком долго несет на своих плечах груз чужих жизней.

От гостя пахло дорогим одеколоном «Фарина», тонким ароматом выделанной кожи и хорошим, крепким голландским табаком, который не продавали в швейцарских лавках.

— Я здесь не ради часов, Альберт, — Просветленный положил обе руки на серебряный набалдашник своей трости, зафиксировав свой холодный, пронизательный взгляд серых глаз на лице юноши. — И не ради турбин господина Борзига. Я здесь ради того, что вы так неумело пытаетесь спрятать под чертежами клапана. Я читал ваши наброски, мой мальчик. Те самые, которые вы имели неосторожность отправить в редакцию «Анналов физики» через вашего цюрихского приятеля Марселя Гроссмана. Те выкладки, где вы, используя тензорный аппарат вашей сербской подруги, пытаетесь рассчитать кумулятивный градиент давления встречных эфирных потоков внутри ортогонального креста.

Альберт почувствовал, как вся кровь моментально отлила от его лица. В ушах поднялся глухой, тягучий шум, сквозь который тиканье часов на стене показалось ударами кузнечного молота. По строгому уставу Федерального бюро, за личные исследования во время службы, да еще и с использованием служебных бланков, полагалось немедленное увольнение с занесением в черный список по всей конфедерации. А у него на Крамгассе, в крошечной квартирке на третьем этаже, где пахло кислым молоком и дешевым мылом, ждала Милева с маленьким Гансом-Альбертом. За душой не было ни единого франка, а долг за аренду рос с каждым месяцем.

— Это... это просто умозрительные упражнения, господин профессор, — голос Альберта сорвался на сиплый, жалкий шепот. Он попытался придать своему лицу выражение глуповатой невинности. — Чистая геометрия, забава для ума в обеденный перерыв. Я не собирался это публиковать, уверяю вас... Это ошибка...

— И слава Богу, что не собирались, — жестко, не повышая голоса, перебил его Просветленный. Его пальцы в лайковой перчатке слегка сжали серебряную змею на трости. — Потому что если эти ваши «забавы» попадут в руки промышленников Рура или господина Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, через двадцать лет у нас не будет этого мира, Альберт. Вы понимаете, что вы нарисовали на этих листах промокашки? Вы дали безупречное математическое обоснование абсолютного эфирного голода. Вы создали чертеж идеального утилизатора материи.

Эйнштейн замер. Страх перед потерей места, перед гневом директора бюро, перед нищей вдруг бесследно испарился. На его место пришла та самая дикая, неукротимая, упрямая искра исследователя, которая вела его с тех самых пор, как отец в пятилетнем возрасте подарил ему маленький карманный компас. Та искра, которая заставляла его спорить на лекциях с Вебером и прогуливать занятия ради чтения оригинальных трудов Максвелла в подвалах цюрихских библиотек.

— Но ведь это работает! — Альберт резко подался вперед, забыв о дистанции, его глаза за круглыми стеклами очков вспыхнули лихорадочным блеском. — Пространство — это не пустота! Это среда, жидкий газ, амёры! Если материя существует только за счет постоянного, динамического всасывания этого газа, то правильная геометрическая конфигурация... скажем, четыре полых стальных конуса, соединенных вершинами в форме креста... они должны срабатывать как гидродинамический кумулятивный заряд! В точке их пересечения встречные потоки эфира столкнутся лоб в лоб. Их векторы скорости погасят друг друга. В центре возникнет абсолютный штиль. Вакуум самой среды!

— И в этот вакуум среды начнет лавинообразно проваливаться всё окружающее вещество, — Просветленный произнес это так тихо и спокойно, будто читал лекцию о размножении инфузорий. — Атомы воздуха, атомы стального креста, атомы фундамента, а затем — атомы всей этой уютной Швейцарии. Вы ведь умный мальчик, Альберт. Ваша Милева посчитала для вас тензоры. Вы ведь видели, что перед вектором давления среды в финальном уравнении стоит знак бесконечности? Эта воронка самоподдерживающаяся. Стоит её включить, и вы не сможете её выключить. Она не остановится, пока не утилизирует всю массу Земли, превратив планету в мертвую, черную дыру пространства, вокруг которой миллиарды лет будет крутиться лишь облако радиоактивной пыли. Человечество — это стадо полудиких обезьян, которые едва научились жечь кокс в топках паровозов и резать друг друга из-за границ. Им нельзя давать ключи от утилизатора.

Эйнштейн молчал. Его пальцы судорожно сжимали деревянную ручку. Перед его мысленным взором с пугающей, кинематографичной четкостью развернулась картина: огромный, трехметровый стальной крест, установленный в глухом подвале заброшенного завода. Вокруг него воздух начинает светиться мертвенным, фосфорическим синеватым светом. Тяжелые предметы — инструменты, тиски, кирпичи стен — начинают медленно, беззвучно отрываться от пола и лететь по спирали к латунному шару в центре креста, растворяясь в нем без вспышек и звука, превращаясь в ничто. И эта невидимая воронка растет, выходя за пределы подвала, за пределы города...

Просветленный медленно открыл тяжелые хромированные замки своего портфеля. Из недр дорогой кожи он достал плотную, увесистую пачку новеньких, еще пахнущих типографской краской стофранковых банкнот Цюрихского кантонального банка. Следом за деньгами на заваленный чертежами стол легла тетрадь в черном коленкором переплете.

Альберт почувствовал, как сердце у него пропустило удар. Это была тетрадь Милевы. Та самая, которую она прятала в ящике их деревянного комода под стопками детских пеленок. Туда она своей аккуратной, круглой балканской латынью переписывала его черновые наброски и результаты их ночных споров с Вальтером Ритцем.

— Ваша супруга — очень дальновидная женщина, Альберт, — Просветленный аккуратно положил ладонь на черную обложку тетради. — Она оказалась гораздо умнее вас. Она поняла, к чему ведут ваши баллистические споры с Ритцем на заброшенном заводе под Берлином. Эта тетрадь больше никогда не вернется в ваш дом. Она будет храниться в архиве, к которому нет доступа ни у одного генерала или канцлера в мире. Но взамен...

Просветленный придвинул пачку стофранковых купюр ближе к разбитой стеклянной чернильнице Эйнштейна.

— Здесь достаточно золотого обеспечения, чтобы ваша мать больше никогда не писала вам слезных писем из Мюнхена по поводу долгов вашего покойного отца. Здесь достаточно, чтобы Милева наняла кухарку и няню для вашего сына. Через полгода вы получите место приват-доцента в Пражском университете. Еще через два года — кафедру теоретической физики в Берлине, под крылом Прусской академии наук. Финансисты Америки и олигархи Рура готовы оплатить ваше безбедное, сытое будущее до конца ваших дней. Но у вас будет одна задача, Альберт. Одна-единственная работа.

Альберт с трудом сглотнул сухую, горькую слюну. Его очки снова съехали на кончик носа.

— Какая работа, господин профессор?

— Вы должны закрыть эту дверь, — Просветленный с силой постучал костяшками пальцев по черной тетради Милевы. — Наглухо. Заколотить её досками так, чтобы ни у одного аспиранта в Париже, Лондоне или Петербурге даже мысли не возникло искать структуру пространства. Вы напишете статью, Альберт. Статью, в которой официально объявите, что никакого эфира не существует. Что пространство — это абсолютная, мертвая, нематериальная пустота. А раз оно пустое — в нем нельзя построить насос, в нем нельзя закрутить вихрь, в нем нельзя создать кумулятивный крест. Вы должны увести мышление человечества в сторону. Запутайте их, Альберт. Создайте самую сложную, самую парадоксальную математическую модель, от которой у академиков закипят мозги. Заставьте их мерить длины линеек в летящих поездах, спорить о синхронизации часов на перронах, гнуть световые лучи вокруг выдуманных гравитационных масс. Пусть они тратят миллиарды и жизни на проверку релятивистских парадоксов — подальше от истинной механики среды. Нам нужен ментальный загон для науки. Нам нужен карантин Вселенной. Спасительный карантин.

Альберт долго, не мигая, смотрел на пачку стофранковых банкнот. За окном Федерального бюро, в серой, размытой пелене швейцарского дождя, текла обычная, хрупкая, ничего не подозревающая жизнь. Старый кондуктор бернского трамвая весело звенел в свой медный колокол, предупреждая зазевавшегося разносчика газет. Женщина в длинном шерстяном платье с турнюр, придерживая рукой промокшую шляпку, покупала у уличного пекаря теплые брецели. Маленький мальчик в коротких штанишках бежал по лужам, толкая перед собой гимнастический обруч, и его звонкий смех доносился даже сквозь толстые стекла архива.

Все эти миллионы людей по всей Европе жили, любили, пили пиво в погребках и спорили о политике, даже не подозревая, что сидят на пороховой бочке глобального уничтожения, а фитиль от нее прямо сейчас лежал на ободранном столе клерка третьего класса.

Альберт медленно, со стоном выпрямил спину. Он снял очки, вытер их подол своего жилета и снова надел. Его лицо, обычно веселое и склонное к иронии, сейчас казалось серым и старым. Он аккуратно взял чистое стальное перо, обмакнул его в чернильницу-непроливайку и посмотрел прямо в холодные глаза Просветленного.

— Если пространства как среды не существует... — тихо, со своим мягким, певучим южногерманским выговором произнес Эйнштейн, — то скорость света в этой пустоте должна быть абсолютной константой. Из этого выйдет... Да. Из этого выйдет, что при приближении объекта к этой скорости... само время должно замедляться. Длительность секунды обязана стать эластичной.

На лице Просветленного впервые за всю встречу появилась едва заметная, холодная, но удовлетворенная улыбка. Он медленно кивнул.

— Это звучит достаточно безумно, Альберт. Академики Пруссии будут в восторге. Они ухватятся за эту математическую игрушку, как дети за новый рождественский волчок. Они будут доказывать и вычислять ваши парадоксы следующие сто лет, забыв обо всем на свете.

Просветленный поднялся со стула, оперся на свою дубовую трость и взял кожаный портфель.

— У вас есть ровно месяц, чтобы завершить текст статьи, герр Эйнштейн. Назовите её как-нибудь максимально скучно и сухо, чтобы она не привлекла внимания газетчиков. Скажем... «К электродинамике движущихся тел». Спасите этот мир, Альберт. Нам всем хочется еще немного пожить в этой тишине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.